

Алексей Янкин

ОБМЕЛЕННЫЕ

РЕКИ

Алексей Янкин
Обмелевшие реки

«Издательские решения»

Янкин А.

Обмелевшие реки / А. Янкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856042-2

Окончание романа-трилогии, состоящего из книг «Путь домой идет через болото», «Свобода не воля» и представленной вашему вниманию книги — «Обмелевшие реки».

ISBN 978-5-44-856042-2

© Янкин А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
001	6
002	6
003	7
004	8
Глава 2	9
005	9
006	9
Глава 3	11
007	11
008	12
009	13
010	14
Глава 4	15
011	15
012	15
013	16
014	18
015	20
Глава 5	21
016	21
017	22
018	23
019	24
020	24
021	25
Глава 6	26
022	26
023	26
024	26
025	28
026	28
Часть 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Обмелевшие реки

Алексей Янкин

© Алексей Янкин, 2017

ISBN 978-5-4485-6042-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

ДОРОГА В НИКУДА

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*
Данте Алигьери, Божественная комедия

Глава 1

001

Погода который день солнечная, по майски весёлая. Но сегодня никому не весело. Все понуро стоят, слушая заубойные молитвы, речитативом произносимые старцем Тимофеем. Изредка крестятся двумя перстами, глубоко вздыхая и бросая жалостливые взгляды на седого, крепкого еще мужчину и молодую поноватую женщину. Окончив службу троекратным «вечная память» и полутора десятком поясных поклонов (повторенных как эхом присутствующими), бородатый старик отходит в сторону и в могильную яму сыплется горстями земля.

Несколько молодых человек лопатами оформляют продолговатый бугорок. С восточной стороны, в ногах упокоившегося под свежей землей тела, врыт четырехконечный деревянный сосновый крест, на лицевой стороне которого аккуратно вырезан еще один крест, на сей раз восьмиконечный. Больше на кресте ничего нет – ни надписей, говорящих о том, кто под ним покойся. Ни дат его прихода в этот мир, ни когда он его покинул. Зачем всё это? Родные помнят и чтут. Бог ведает. А чужому кому и не надо.

Один за другим присутствующие подходят к мужчине и женщине, что-то сочувственно бормочут и, молча, отходят. Что тут еще скажешь? Как утешить?

Утопанная земля усеяна остро-пахнувшими еловыми веточками.

002

Поминальная тризна закончилась далеко за полночь. Немногочисленные гости разошлись по комнатам.

Рано утром, еще раз выразив соболезнование с тяжелой утратой, гости на нескольких больших металлических лодках с подвесными моторами с шумом отправляются в сторону виднеющегося вдали соседнего острова.

Седой мужчина и молодая женщина остаются одни. Они снова бредут к крошечному кладбищу в небольшой рощице и долго молча стоят там, у подножия вытянувшихся рядком могильных холмиков – три старых, поросших травой. И один совсем новый, вчерашний. Старые холмики носят следы ухода, говорящего о том, что лежащие там, несмотря на пройденные годы, по-прежнему дороги живым.

Крайний слева холмик – могилка деда Матвея. Рядом могилка Ларисы Дмитриевны, многострадальной отшельницы, нашедшей свой конец на этом таежном островке. Следующий холмик, самый маленький и самый ухоженный. Здесь лежит младший сын Антона. Мальчонке едва исполнилось пять годочков, когда неведомая болезнь за считанные дни сгубила его, нанеся страшный удар родителям. Тимофей, Старец общины, утешая несчастную мать говорил ей, что парнишка, не успевший сотворить в этом грешном мире ни единого проступка, несомненно

попадет прямоком в рай. Тому надо радоваться, а не плакать. Разве не эта есть высшая цель каждого живущего здесь? Разве не в том истинное наслаждение оставшихся – знать, что близкий им человек уже принят в царствие небесное? Что он может воочию лицезреть пресветлый лик божий? И она, придет время, непременно встретится там с ним.

И вот теперь вслед мальчонке ушла сама Настя. Как хочется верить в то, что они уже вместе. Смотрят в этот самый миг на них с небес. По щеке Антона медленно стекает сдерживаемая раньше слеза.

– Куда ты теперь, отец? – спрашивает молодая женщина, полуобняв вдовца, – Может к нам, в скит переберешься? Одному тяжело... А там тебя любят. Опять же я и Саня рядом. Он очень хочет, чтобы ты переехал к нам.

– Спасибо, дочка, – горестно покачивая головой, отвечает Антон, – Но я, Алёнушка, останусь здесь пока. Здесь и мать упокоилась, и Матвей. И Стёпушка наш, невинная душа.

003

Следующим утром седоголовый Антон, проводив помогавшую ему прибраться после похорон и поминок дочь и прибывшего за ней зятя, остался совершенно один. Он сидел на лавочке, прислонившись спиной к теплым бревнам дома и, глядя в прохладные еще воды залива, размышлял. После долгих счастливых лет жизни он остался совершенно один. Словно вернулся вспять. Туда, откуда начинал жизнь на этом самом клочке суши, затерянном среди бескрайних таёжных болот.

Продолжать жить здесь, словно и не было череды этих промелькнувших мимо лет? Он не сможет так. Каждый день видеть следы, оставленные близкими людьми – и не видеть их самих... Тяжко. Невыносимо. Хочется бежать. Бежать не останавливаясь.

Куда идти? Что делать? Он совершенно не был готов к этому выбору. Последние годы его окружали любящие люди. Может действительно перебраться в поселок к дочери? Она еще несколько лет назад, вскоре после смерти Стёпки (Антон сглотнул), переехала в скит, где жили все её родственники. Где жил её муж, а теперь и их дочурка. Но он, по большому счету, чужой для жителей поселка, связанных между собой дальним ли, ближним родством. У него же там ни одной родной души. Даже Алёнка не дочь ему. Она дочь Насти. После того, как переехала в поселок, Алёнка все реже и реже навещала родителей. Своя семья все больше затягивала. Приемная дочь давно живет своей жизнью. Скоро, открылась ему, будет второй ребенок. Даже муж об этом пока не знает. Тогда ей вообще станет не до старика-островитянина. Да и кто он ей? Ни отец, ни дядя. А так – отчим. Лишь мать связывала их. Пройдет время, она окончательно отдалится от него.

Да. К нему в поселке староверов относятся с большим уважением. По первой просьбе сделают всё, о чем ни попросит. Но все-таки он для них так и оставался чужаком. Хорошим, добрым, полезным – но чужаком. Мирянином.

Старший сын давно живет сам по себе. Непутевый – всё бродит где-то. Что-то ищет. Переезжать к староверам тоже не хочет. Он их уважает, но к образу жизни так и не смог привыкнуть. Да и здесь, на отчем острове, его не удержишь. Свободу любит.

Сначала из этой жизни ушел старый Матвей. Вслед за ним его бросил верный Тор – к сожалению век даже большого таежного кота не долгов. Он сам закрыл глаза Ларисе Дмитриевне. Он оплакивал вместе с женой Стёпушку. Теперь его покинула и Настя. Остался один. Может старший сын придет да остепенится? Женится. Рядом с ним и Антон бы отогрелся душой. Да нет. Никита – непоседа. Ему на одном месте не усидеть. Скучно. А если и остепенится когда, то уж не на этом богом забытом клочке суши. Только тут до Антона дошло, что Никита ведь даже не знает о смерти матери. Когда он узнает об этом... Каким ударом это ста-

нет для него! Кажется, он всегда больше любил мать. Маменькин сынок – добродушно подшучивал над ним отец. Да и как было не любить эту женщину?

Антон еще раз тяжело вздохнул и окинул мутным взором ставшую вдруг чужой усадьбу. Всё, всё теперь выглядело по-иному. Непривычно. Незнакомо. Черно. Холодно. Словно не сам он тут всё делал своими руками. Не перебирал каждого бревнышка, не выстругивал каждую досочку. Не ухаживал за каждым кустиком. Не ровнял каждый бугорок. Из этого места ушло что-то важное. Что-то своё. Тёплое. Теперь ему здесь делать нечего.

004

Пролетело несколько дней. Антон за это время привел в порядок всё, что следовало, прежде чем оставить хозяйство надолго без присмотра. Присел в комнате за стол и не торопясь, дальнозорко щурясь в полумраке, вывел синим толстым карандашом отвыкшими от письма пальцами несколько строк на чистом листе бумаги, прижав её напоследок подсвечником. Либо сын, либо дочь, если хватятся, поймут, что сам ушел. Ничего страшного не случилось. Искать не надо. Он, в свою очередь, благословляет обоих и просит не держать на него сердца. Вернётся ли, сам не знает. «Надеюсь – поймете».

Пристроил на спину плотно набитую торбу, повесил на шею ружье, взял в руки топор и вышел из дома. Крепко подпер дверь снаружи резной тростью. Обошел напоследок вокруг дома, убедившись, что забитые накануне досками крест-накрест окна надежно прикрыты. Двери баньки и сарая так же подперты палками. Может его хозяйство еще кому послужит.

Можно уходить. Не оглядываясь, вышел за калитку. Спустился к дощатому причалу. Разместил в носу челнока вещмешок, топор, ружье, скатанную трубкой длинную теплую куртку, тонкое одеяло, сумку с запасом продуктов на первое время (все это поверх охапки хвороста, чтобы не замочило на дне). Залез в лодку сам, устроившись на лавке ближе к корме. И оттолкнулся рукой. Не торопясь подгребает веслом, скользя по безмятежной поверхности по-весеннему взбаламученной высокой воды.

Антон твердо решил не оборачиваться, чтобы не бередить свежих ран. Но, уже выходя из самого залива, огибая мыс, не стерпел. Оглянулся таки. Руки сами собой замерли. Челнок закрутило. Он и забыл, как красива его усадьба. Как живописны склонившиеся к самой воде кроны деревьев, обрамляющие залив ажурной тенью.

Как щемит сердце от вида родного дома. Сколько здесь пережито радостных и горестных моментов.

Ощущая подбирающуюся к груди слабость, Антон поднимает весло и, решительно выправив челнок, бросает его вдаль. В сторону от своего острова. Мимо другого, на противоположном, невидимом отсюда берегу которого раскинулся скит староверов. Где-то там сейчас Алёнка. Её муж. Внучка.

Глава 2

005

Конец июля. Мошка отошла. Да и комарья заметно поубавилось. Впрочем, таёжный житель настолько привык к постоянному жужжанию гнуса над головой, что почти не обращает на него внимания. К тому же здесь, вдали от берега, свежий ветерок сдувает остатки настёрной нечисти.

Молодой человек, сняв головной убор и утерев рукавом пот со лба, вдыхает полной грудью. Как все-таки хорошо! Заехать к сестре или сразу к своим? Посмотрел на невысокое уже солнце. Неплохо бы повидаться с Аленкой и Санькой. С дочуркой их, смешливой Феклушой. С другими родственниками. Попариться в баньке, поесть домашнего, переночевать по-человечески, на кровати.

Да нет. Пожалуй, сразу домой. Соскучился. Да и до дома совсем недалеко. С сестрой успеет свидится завтра-послезавтра. Молодой человек уже предвкушает, как старики обрадуются. Как не будут знать, куда посадить его. Как мать, слушая его рассказы, будет всплескивать руками, а отец станет ворчать, пеняя на неосторожность и излишнюю беспечность сына. Скорее всего, сейчас и внучка Феклушка у них. Он и ей, своей любимице, гостинцев припас.

Свернувшийся в носу лодки калачиком пёс блаженствует, не подозревая о душевных терзаниях хозяина. Когда еще можно вот так, не утруждая лап своих, предаваться безделью. Время, проводимое в челноке – его любимое время.

Еще полчаса и челнок, покинув беспокойное короткое колыхание открытой воды, мягко врезается в гладь залива. Вон он – родной дом. В груди поневоле теплеет. Как, оказывается, он соскучился. По родным. По этому старому дому. По острову – бескрайнему царству его детства. Пара десятков гребков и легкая берестяная скорлупка прилипает к деревянным мосткам.

006

Странно. Никто не бежит навстречу. Мать не выскакивает обрадовано из дому, вытирая тряпичкой на ходу руки. Отец не хромотает на поврежденной прошлой зимой ногой, помогая разгрузить лодку. Да и белобрысой племянницы, скорее всего, нет. Уж она-то точно бы его издали заметила. Глаз как у сокола. Может ушли на один из своих огородов? Верно. Скорее всего, так оно и есть. Никита улыбается своим мыслям. Передохнет малость, да разыщет их. Рыжий след быстро возьмет. То-то обрадуются. Они и не ждут его раньше конца лета.

Рыжий, едва челнок касается причала, одним скачком перемахивает борт и скрывается за бугром, удивленный местным безразличием не меньше хозяина. Такой встречи он никак не предполагал. Вытащив немногочисленные пожитки и пару свернутых тугими рулонами шкур на берег и привязав нос челнока к столбику, Никита поднимается вверх по небольшому откосу.

Уже на подходе к дому, бросив случайно взгляд в сторону крошечного кладбища у опушки, Никита замечает свежий земляной холмик, который обнюхивал пес. Тело обдает холодным потом. Груз выпадает из рук. Кто!? Он бросается вперед. Коричневый глинистый холмик еще не покрылся травой. Не потерял приданной ему формы под действием дождей и ветров. Деревянный крест не начал еще тускнеть.

Кто? На кресте никаких надписей. Отец или мать? Может кто из родственников? Никита горько вздохнул. Каких еще родственников. Кто их привезет сюда хоронить. Никита на подгибающихся ногах идет в дом. Откинув пинком подпирающую дверь трость, которую сам вырезал

прошлой весной для отца, молодой человек вбегает внутрь. Дом пуст и заброшен. Сразу чувствуется неприютность давно покинутого жилья. Обводит потухшим взглядом стены, лавки, стол.

Стол! На столе лист бумаги, придавленный старым тусклым серебряным подсвечником. Хватает. Буквы расплываются перед глазами. Почерк отца. Значит там... Мать...

Молодой человек бессильно опускается на стул. Его бьет крупная дрожь. Как же так? Отчего? Что случилось? Ведь она была здорова. И совсем еще не старая. Это он в шутку называл родителей стариками. А какие они старики!? Отцу едва шестьдесят стукнуло, а мать моложе. Никита вновь поднимает бумагу. Буквы плывут. Он трет глаза, добиваясь хоть какой-то четкости – и читает. В голове шум. Он ничего не понимает. Перечитывает второй раз. Третий. Наконец до него доходит смысл. Мать внезапно заболела и угасла от неизвестной болезни буквально в две недели. Ни разбиравшаяся в медицине Алёна, ни бабки-ведуньи, ни молитвы Тимофея ничего сделать не смогли. Но мать, по словам отца, не мучилась. Ушла в полном сознание, благословляя мужа и детей.

Рука с письмом вновь падает. Никита смотрит в пустоту.

А что с отцом? Он еще раз перечитывает письмо. Отец просит прощения. За что – непонятно. Словно так же прощается навсегда. Уж не... Да нет. Отец не мог. Он сильный человек. Но где он? Никита выскакивает на улицу, разрывая ворот и подставляя разгоряченное лицо разыгравшемуся вечернему ветру.

Глава 3

007

– Как же ты могла оставить его одного?! – Никита укоризненно выговаривает сестре, – В таком состоянии.

– Но, Никита, я же не могла знать! Он не говорил, что собирается куда-то.

– Нельзя, нельзя было его оставлять! Надо было уговорить перейти к вам. Хотя бы на время.

– Поверь, Никита, мы пытались, пытались уговорить его, – вмешивается в разговор Саня, – Так ты же знаешь отца своего. Если что забрал в голову, так ломать бесполезно.

– Да, Никитушка, мы уж и так, и эдак просили. – Алёнка виновато смахивает слезу со щеки, – Я и подумать то не могла, что он решится, куда-то уйдет. Думали, пусть немного один побудет, если легче ему так. Успокоится. А потом еще поговорим. Мы и думали твёрдо, что к осени заберем его.

– А оно вон как обернулось, – вновь вклинивается Саня.

– Мы уж через три дня приехали, а его нет. И по-всякому думали. Весь остров обошли. Нет его нигде. Думали, надеялись, может на охоту куда уплыл. Побродит малость, успокоится, да вернется. Потом еще два раза приплывали. А его всё нет да нет.

– Ладно, – вздыхает Никита, – А куда он уйти мог, не думали?

Супруги переглядываются:

– По-всякому кумекали. Да что мы – весь скит гадал. Что токо не предполагали. Да всё ерунда кака-то получатся.

– Ну а ты как сама думаешь?

Сестра расстроено пожимает плечами. Если бы Никита знал, как она себя казнит. Саня тоже расстроено молчит.

– А может решил вернуться в тот свой мир, – предполагает Никита, кивая куда-то назад, – Из которого он пришел? С детства помню, как отец не раз рассказывал о том мире, где жил прежде как попасть в наши места.

– Не, не, – решительно мотает головой Саня, – Ты же помнишь, он завсегда при том говаривал, что никогда не был там счастлив и, ни за что не хотел бы возвращаться туда. Не думаю, что сейчас он посчитал иначе.

– Да, да, – соглашается Никита, – Да и кто там его может ждать теперь? Но куда же тогда он мог пойти? Вспомните. Может словом каким обмолвился невзначай. Какой намек был.

Вдруг Алёна вздергивает голову:

– Слушайте! Я, кажется, знаю. Мне вот что только в голову пришло...

– Что? – оба молодых человека с интересом оборачиваются к ней.

– Помните, как мама... – при слове «мама» голос молодой женщины вздрагивает, – как мама говорила, что отец когда то был влюблен в ту дикарку. Ну ты помнишь... – обращается она к брату.

– Ты говоришь о Сакум Аине-Ойе?

– Ну да. – гордо вздернула головой Алёнка, – Вроде так она называла её.

– Ну-у, не знаю... – с сомнением тянет Никита, – Когда это было-то.

– Ты же с отцом не раз и не два ходил к ней, – ревниво выдала молодая женщина, – Только вдвоем и ходили. Когда мать жива была еще.

– Ты что!?! С ума сошла? О чём говоришь-то? – понял плохо скрытый упрёк сестры молодой человек, – Да и не к ней одной мы ходили. К лесовикам. Там их много живет. Отец любил

мать. Ни разу он не дал мне усомниться в том. Скорее Аине-Ойе была влюблена в отца. Но и она сама тогда была уже замужем.

– Тогда? – подхватила Алёнка, – А теперь?

– Ну, – нехотя признался Никита, – несколько лет назад муж её умер.

– Вот-вот, – настаивала на своем собеседница, – Отец теперь один. У Сокум той, ты сам говоришь, муж умер. Почему им и не встретиться, не возобновить старую дружбу. Кому теперь от того плохо станет? Может отец действительно решил провести старость в стойбище дикарей. Я ведь не в упрек ему, – встрепенувшись, примирительно говорит женщина, ласково касаясь руки брата, – Я ему только добра желаю.

Никита поморщился при слове «дикари», но подумал, что в словах сестры действительно есть смысл. Во всяком случае, другого более-менее вразумительного предположения больше нет. Алена же уже загорелась своей идеей:

– Подумай сам. Он решил, что будет нам обузой, и пошел туда, где его, как он думает, ждут. И где ему, как он думает, будут рады.

– Обузой? Ты считаешь, что отец был бы для нас обузой!?

– Нет, нет. Что ты! Он мог так подумать!

– Алёна, очевидно, ты так позволила подумать ему. Подумать, что станет обузой.

– Нет, нет, нет... Что ты говоришь, Никитушка? – молодая женщина сама испугалась, что слова младшего брата, могло стать, отчасти правдивы, – Нет, нет. Того быть не может! – и она уткнулась лицом в ладони.

Саня себя неловко чувствовал, переминаясь с ноги на ногу. Ему жалко жену, но и в справедливости слов шурина трудно сомневаться. Тесть действительно мог так подумать. Все слишком были погружены в свои заботы и, фактически, оставили несчастного старика один на один со своим горем.

– Ладно, ладно, – успокоил брат сестру, – Прости. Не то, совсем не то говорю. Не по делу. Я и сам не меньше твою виноват. Никогда дома меня нет. Тока о себе всегда думал. Словно у родителей и нет своей души, своих хворей, горестей. Словно им и не надоть слова доброго-то от сына непутевого услышать хоть изредка. Тока о себе, тока о себе... – Никита вздыхает. Он всегда, когда волноваться, начинал говорить на местный манер.

Какое-то время все трое сидят молча. На печке посапывает Феклуша. Завитки светлых волос прилипли к сонному личику.

– Что делать будем? – наконец подняла на мужчин покрасневшие глаза Алёна.

– Я пойду в стойбище лесовиков. Надо всё выяснить.

– Пойду с тобой! – решительно заявил Саня.

– Нет. Ты здесь, семье нужен. Воспитывай мою племянницу, – с этими словами Никита, покопавшись в котомке, извлек несколько вырезанных из дерева фигурок зверушек и поставил их на печке рядом с головой спящей девочки, таким образом, чтобы проснувшись, она сразу увидела их.

– А я поутру, пораньше, пойду.

008

Войдя в неглубокую и тихую в это время года речушку Быструю, соединяющую Большое и Одинокое озёра, Никита почти сразу наткнулся на затащенную под раскидистую ель лодку отца. Впрочем, он и ожидал её здесь найти, так как это то самое место, где отец оставлял берестянку каждый раз, как отправлялся в сторону стойбищ лесовиков. Выйдя и обследовав лодку, охотник убедился, что она спрятана довольно небрежно. Почти не скрыта от малейшего дождя. Похоже оставивший её не собирался возвращаться. Никита качал головой, озабоченно ворча. Это ему явно не по нраву.

Так как речушка сильно обмелела и дальнейший путь по ней стал бы излишне утомителен, Никита вытащил и свою берестянку, старательно припрятав обе лодки (не от людей, от непогоды). Теперь тайник разглядит только наметанный глаз таёжника. Дальше отправится налегке, имея при себе лишь котомку с обычным своим припасом да ружье. Рыжий нетерпеливо рыскает по берегу, шаря носом по земле. Ему путешествие по воде за последние дни порядком надоело.

Вот они, следы отца. Ничто – ни ветры, ни дожди не успели еще скрыть их. Правый след чуть глубже – следствие поврежденной некогда ноги. Они то исчезают, то проявляются вновь, особо четко проступая на влажных чистых участках почвы. Если след временами теряется – пёс мигом отыскивает пропажу. Следы тянутся цепочкой по лесу, но далеко от протоки не удаляются и вскоре приводят к другому озеру. Пробираясь вдоль топкого берега, только-только освободившегося от вешних вод, охотник убеждается, что оставивший следы путник действительно идет в направлении стойбища. Этой дорогой они с отцом ходили не раз, а затем уже молодой охотник и сам проходил здесь.

Едва выйдя на возвышенный сухой берег, отец развел небольшой костерок и расположился на ночевку. Здесь же, прямо под сравнительно свежим пеплом и серыми еще головешками – остатки старых кострищ. Сколько себя помнил Никита, они всегда устраивали на этом самом месте первую ночевку. Это окончательно развеяло последние сомнения в том, кто тут прошел и куда он направлялся.

009

Только горожанину тайга мрачна, скучна и однообразна. Здесь жизнь бьет ключом. На каждом дереве, под каждым кустом, в каждом овражке, за каждым пригорком что-то да происходит. В ушах постоянным ненавязчивым фоном легкий шум древесных крон, птичий щебет, стук дятла, скрип старых ветвей, множество иных звуков, шелчков, свистов, уханний. Не отгораживайся от происходящего, стань частью этого мира. Идти по тайге никогда не скучно. То наткнешься на испуганное семейство лис, застигнутое за игрой. То сохатый ломанётся с шумом через кусты при твоём приближении. То выскочивший из-под куста (к вящей радости пса) бурундук уставится осоловевшими глазками-бусинками на незваных пришельцев. То Рыжий спугнет зазевавшегося зайца. Вот он только что понуро брёл, набегавшись и еле передвигая усталые лапы. Внезапно останавливается. Замирает. Уши торчком! Через мгновение опущенный к низу хвост возбужденно закрутится пропеллером. Куда только и делась давешняя немощь. Бросит нетерпеливый взгляд на хозяина – неужели не слышит? Сдержанно повизгивает. Надо же бежать! Вот он – след! Добыча ждать не станет.

– Иди, иди, – улыбается охотник.

Пес тотчас растворяется в кустах. Через мгновение раздаётся хлопанье крыльев и возмущенный клёкот. Вверх взлетает большущая взерошенная тень. Рыжий удовлетворенно лает. Бежит к человеку. Кидается обратно. Стреляй же, стреляй, растяпа! Никита хохочет и треплет по голове расстроенного друга. Тот успокаивается – ну хоть хозяин убедился в его отваге. А могли бы и свежим мясом полакомиться. Да зачем заряд тратить? В начале лета птичье мясо невкусно. Пернатые еще не отъелись после вынужденных зимних постов. В зобу лишь иголки. Зато к концу лета, ближе к осени, станут жирными. Зоб туго набит ягодой. Мясо вкусное. Вот тогда – другое дело.

Другой раз Рыжий поднимет зайца. Тут шум из кустов совсем иной. Ушастого пес надеется взять сам. Иной раз удастся, иной – нет. Все это так увлекательно! Никакой телевизор не даст того азарта, что переживешь в лесу.

На встречу с добычей, таёжным козлом или тем же зайцем, можно надеяться в густых березняках или осинниках – там, где можно спрятаться от хищника, скрыться от погони,

наладить свою, защищенную от посторонних глаз жизнь, насладиться молодой, вкусной корой с тонких древесных стволиков, пожевать мягких ароматных веточек. Такого в сумрачном, тихом ельнике не встретить.

Если же дорога выдавалась по чистым, светлым борам, где почти ни кустов, ни путающей ног травы, друзья впадают в задумчивость. Надежда встретить здесь добычу близка к нулю. Погода великолепная. Ни жарко, ни холодно. Солнышко не спеша пробивается сквозь далекие сосновые кроны. Ноги идут сами собой, хрустя по толстому ковру из ржавых прошлогодних игл и расшиперившихся серыми кактусиками шишек, раздвигая коленями редкие папоротниковые полянки.

Человек и пес размышляют. Каждый о своем. Рыжий иногда вдруг начинает повизгивать, оглядываясь на хозяина. Бог весть, что ему приходит в голову в такие моменты. Быть может вспоминает былые веселые охоты, быть может удивляется безразличию друга – тот словно и не собирается скрадывать обнаруженную им добычу. Зачем вообще явились сюда!? А быть может ему попросту колко идти по иглам и шишкам и не терпится убраться отсюда.

Но собачьи мозги долго цепляться за одну мысль не могут. Да и зачем? Для этого есть хозяин. Пусть у него и болит голова – когда остановиться, где взять пищу, куда идти. На то псы их и заводят.

010

Никита раздумывает о том, почему отец решил бросить всё и уйти с мест, где прожил долгие, долгие годы. Эти места – родина молодого охотника. Он когда то появился здесь на свет. Прожил всю жизнь. Для него это родной, отчий дом. Иного у него нет. Где бы он ни был, он знал, что здесь его всегда ждут. А теперь?

Только сейчас охотник подумал о том, что для отца то это вовсе не родные места. Он пришлый. Чужой здесь. Чужак. Теперь, когда жена ушла в иной мир, дети выросли – что его держит здесь? Неужели действительно решил поселиться у лесовиков? Жениться на Сокум? Да нет. Быть того не может. Но зачем-то он туда пошел.

Неожиданно из глубин памяти всплывает давнишний разговор. Отец в один из редких периодов откровенности, когда он с едва скрываемой тоской вспоминал о своей прошлой, непонятной сыну жизни, рассказал ему, что хотел бы, если бы вдруг оказался свободен, отправиться на поиски таинственной Счастливой Страны, где люди не знают болезней, не ведают несчастий, не знают голода и холода. Там нет вражды и зависти. Нет предательства и обмана. Там все живут большой счастливой семьей. Что это за «страна» такая и где она находится, молодой охотник так и не понял. Честно говоря, подумал – обычная блажь старика. Фантазии. Какая еще Счастливая Страна? Чего ему не хватает здесь? Но слова отца запомнились. Он потом спрашивал у матери, не знает ли она о такой стране? Она, отряхнув забеленные мукой ладони и утерев предплечьем пот со лба, удивленно посмотрела на сына – Счастливая Страна? Откуда он взял такое? Наверное, это сказки тех, что живёт в городах. Им там скучно. Они как муравьи в муравейниках. Суетятся. Отпихивают друг друга локтями. Вот и выдумывают всякую небось. Никита не стал говорить матери, что об этой чудной стране рассказывал отец. Понимал, что ей это может не понравиться. Да вскоре и сам забыл. Тем более что и от отца ничего подобного больше не слышал.

И вот сейчас это воспоминание всколыхнулось само собой. Впрочем – смешно. Не станет же отец искать страну из сказок. Да и зачем ему это?

Мать... отец... Как, оказывается, еще недавно он был счастлив.

Глава 4

011

Пожалуй с неделю молодой охотник добирался до становища лесовиков. Обычно на это уходило дней пятнадцать. Куда спешить? Но в этот раз неизвестность и навалившаяся тоска подгоняли.

И вот пред ним раскинувшееся у берега реки стойбище. Не у самой воды – там слишком много гнуса, а чуть поодаль, на ветерке. Он был здесь не так уж и давно, зимой, полугодом не прошло, и представлял, как друзья удивятся его скорому возвращению.

Но ему здесь всегда рады. Со многими, взрослыми теперь уже лесовиками, он вместе рос. Его воспринимали как близкого, родного человека.

012

– Нет, Накта-Юм, отца твоего здесь нет. Ушел он, – говорила Аина-Ойе, Сокум стойбища, с материнской лаской глядя на поглощавшего с аппетитом вареную рыбу молодого человека, – Но как вода спадать стала, заходил.

– И куда он пошел дальше? Говорил, куда собирается?

– Нет, – седовласая женщина качала головой, – Ничего не сказал. Сказал только, что мать твоя ушла в другой мир, к предкам. Очень печалился.

– А мы думали, что он решил поселиться у вас.

– У нас? – удивилась Аина, – Отчего так решил?

– Ну... – смутился охотник, невольно робея под пристальным взглядом мудрой женщины, – Ну как-то так пришла мысль. Куда ему еще то идти? Со своего места, где прожил столько лет, ушел. В поселок к материным родственникам не пошел. А куда еще ему идти? Кроме как к вам и некуда, получается. С сестрой по всякому рядили... Вот и надумали, что может быть к вам подался.

– Нет, нет. Он даже не говорил такого, что хочет с нами жить остаться. Если бы захотел, то были бы только рады ему. Но нет... – вновь качает головой женщина, – У нас он не остался.

– Так может все же намекал, куда пойдет дальше? – с надеждой спрашивал Никита.

– Вообще-то мы думали, что он обратно пошел. Ничего другого не говорил.

– Но говорил, что пойдет домой?

– Нет... нет. Такого тоже не говорил.

– Тогда ума не приложу, куда он делся.

– Может что случилось? – забеспокоилась Сокум, – В тайге все может быть.

– С отцом то?

– Ну да, – согласилась женщина, – Он сайтэн-анши, очень, очень мудрый. Он словно пэпэква в тайге, матерый медведь. Кто его обидит? Кому сил таких достанет?

– Дело в том, тетя Аина, что он не просто ушел, а записку оставил, из которой следует, что он не собирался возвращаться.

– Не пойму. Совсем не пойму. Куда тогда пойти мог?

– Может дорожку куда спрашивал? – настаивал Никита.

– Дорожку, говоришь? Эй-е, эй-е! Точно ты сказал! Спрашивал, однако. Он всё о *сохти* спрашивал. Да я думала, это так, без мысли всякой. Ветер в голове. А теперь и не знаю, что думать.

– О *сохти*? Это что такое?

– Народец такой. Толи из сказок, толи был когда. Кто его знает? Только наши твердо верят в него. Я когда то и рассказала отцу твоему про него. Он шибко любопытный по молодости был. Всё о наших обычаях выпрашивал. Сказки наши просил рассказывать. Его любили крепко за то. За то, что уважал нас. Не гордый был. Не смотрел на нас свысока. Ну я ему об этих *сохти* и рассказала. Он еще спрашивал, где их Счастливая Страна находится?

– Счастливая Страна!? – встрепнулся Никита, – Так это страна, где эти самые *сохти* и живут?

– Да. – несколько удивилась Аина столь бурной реакции молодого человека.

– Тетя Аина, расскажи мне про нее, про страну эту! Где она находится и что это такое вообще.

– Ну не знаю. Лучше тебе о Счастливой Стране и о *сохти* со старой Вущтой толковать. Она о них всё знает. Она встречалась с ними. Так сама говорит.

– Правда встречалась? – удивился Никита.

Сокум помолчала. Затянулась трубочкой:

– Кто знает? Может, однако, и встречалась, а может и нет. Ты же знаешь старуху. Она совсем странно говорит иногда. Всё равно что ума нет.

Никита хорошо знал эту старуху. Она была старой и беззубой уже тогда, когда он, еще мальчонкой, первый раз попал с отцом в стойбище. Соплеменники всегда воспринимали ее как некую местную безобидную сумасшедшую. Старушка никогда не была замужем, никогда не имела детей – кто же из охотников захочет взять себе в жены такую странную особу. Впрочем, относились к ней хорошо, любили и где-то даже гордились такой достопримечательностью.

– Ладно, пойду у неё поспрашаю, – встал Никита, торопливо вытирая руки о клочок травы. Ему не терпелось прояснить судьбу отца. Найти хоть какие-то концы.

013

– А может это *хаби*?

– Не-е-е. Не *хаби* совсем. *Хаби* совсем другой, – видно, что старая сухонькая Вущта делает усилия, чтобы не задремать посреди разговора, – Все, все слова имеют почти другой. Язык *хаби* то с нашим больше схож. А *сохти* совсем по-другому говорят. Их язык больше на язык *юраки*, что пасут оленей там, на полуночной стороне, похож. И то не совсем. *Юраки* то и реку по иному, не как мы, назовут. И небо-то у них иначе зовется. И землю иначе кличут. Всё, всё по-другому. – старуха вздыхает. Ей всё это уже не интересно. Она слишком стара.

– Совсем, совсем другой народ *сохти* будет. И живут по другому, и одеваются, однако, иначе. Не как мы, но и не как вы, *ручу*. Не как *хаби* и не как *юраки*. Они даже ростом меньше. Мы то и сами поменьше *ручу* будем, а они и того меньше. И лица у них другие. Не как у нас или *хаби*. Вот такое, как у тебя больше, – она ткнула пальцем в охотника, – Глаза большии-и-ие. Кожа совсем, совсем белая. Белее даже твоей. Мы вот охотимся и рыбалим. *Хаби*, те больше охотой промышляют. И мы и *хаби* оленей помалу держим. Для молока больше. *Юраки*, те много-много оленей держат. Стада целые. Оленьим мясом только и питаются. Охотиться не умеют совсем, – старушка презрительно фыркнула и молчала несколько минут. Затем спохватилась, – А *сохти*, так те оленей совсем, совсем не имеют. Не умеют с ними управляться. Только угонять ночами из загонов и могут. Своруют одного, отгонят недалеко, чтоб не слышно, да сразу и ткнут копьём в сердце. На куски разрежут и так по кускам и растащат. Лишь кровь да клочки шерсти на земле останутся. Проснуться хозяева поутру, а их оленя и след простыл. Походят, походят – нет следов. Плюнут с досады. Только и скажут: «однако *сохти* покрали» и домой айда. Зато *сохти* очень, очень удачливые рыбаки. Но рыбалят не днём, ночами, когда никто не видит. У нас говорят, что если где *сохти* повадятся на озере рыбу ловить, так непременно всю до последней

выловят. Ни одной не оставят. Еще они силки и ловушки ставят так, что ни зверь, ни человек их не заметит.

– А сколько раз, ты, матушка, встречала этих сохти?

– Слышала о них много. А встречала один раз. Тогда совсем девчонкой была. Нашей-то нынешней Сокум еще и на свете не было. Послала Сокум (не нынешняя Сокум, а та, что была даже до бабки её, Олон-Хэ), так вот, послала она тогда охотников в Нарпу-Нёр, далеко-далеко, чтобы добыли шкурки зверька, который водился в Зеленых Горах, только в одном месте. Очень ценные те шкурки. Шибко надо их было. Ясак платить хотела. И меня с ними послала: кушать готовить, добычу разделывать, одежду чинить. Другое что, как понадобится. Долго шли, много дней, пока помет зверьков охотники не приметили. Оставили тогда меня вещи сторожить, костер жечь, их ждать, а сами налегке дальше пошли след отыскивать да силки ставить. Сказали к утру придут. Кушать сготовила. Жду их. Но утро прошло, день настал, а их всё нет. Другой день и ночь прошли. Скучно. Решила я ягод собирать. Отошла немного. Шибко мало ягод. Отошла дальше, да заблудилась. Тайгу я знаю, а тут все иное. Туда-сюда хожу. Скалы кругом. Не узнаю мест. Совсем заблудилась. День прошел. Ночь настала. Очень, очень испугалась. Страшно. Совсем, совсем молодая была, глупая. Молчать надо, а я кричать стала. Кричала сильно. Они меня, сохти эти, и нашли. Астэх! Трое их было. Небольшие такие. Но крепкие. Лица белые, страшные. Глаза большущие. С ними велели идти. Две ночи шли, а днем спали. Связали мне руки и один из них конец веревки к своей руке привязал. Так и шли, пока дом их не увидели.

– И каков их дом? – замер охотник, – Деревянный? Или чум? Шкурами крыт или корьём?

– Нет. – голос старушки совсем стих, – Они в земле живут.

– Как в земле? – поразился Никита, – Из земли дома, что ли, делают. Из дёрна?

– Нет. Не так, – сердится Вущта непонятливости собеседника, – Не дом из земли. Совсем, совсем в земле живут.

– В ямах земляных?

– Каких ямах? Непонятливый! В самой земле, говорю.

– Под землей?

Старая Вущта подумала и закивала:

– Пожалуй так. Там земля каменная больше. Большими, большими холмами поднимается. Огромными скалами сверху вниз спускается. Под самое небо уходят те скалы, аж больно голову задирать. И дыра прямо в обрыве у самой земли. Низкая. На четвереньки надо встать, чтоб заглянуть в неё. В эту дыру они и залазят и живут там.

– А-а, – наконец понял Никита, – В пещере.

– Да. Так. Я и говорю, большая, большая гора стоит, и там, в обрыве, вход в их мир. Пещера, наверное. Правильно говоришь.

– Так ты была в этом их мире? – оживился охотник, – Была в той пещере? Что там? Как они живут?

– Я тогда молодая была, говорю. Прыткая. – самодовольно улыбнулась старуха, – Хотели меня с собой забрать, да я убежала.

– Как так убежала?

– Они Солнца боятся. Сильно дикие. Дня боятся. – рассмеялась дробным старушечьим смехом рассказчица, – Как кроты какие, совсем. Света не любят. Старики говорили, слепнут совсем от яркого света. Оттого и боятся дня. Говорят, глаза их лопнуть даже могут как сырое яйцо, коли на Солнце посмотрят. Только ночью и выходят из-под земли.

– А зачем они вообще выходят наверх?

Вущта пожала плечами:

– Кто их знает. Поохотиться разве малость, рыбы наловить. Украсть что. У нас говорят, бывает детей крадут на стойбищах. К себе под землю утаскивают. Мальчиков съедают, наверное. Девочек в жены берут. Потому у нас и запрещено малым детям ночью выходить на улицу.

Никита закивал. Он вспомнил, что его в детстве тоже тетя Аина ночью не пускала на улицу. Правда не объясняла почему. А оно вон как оказывается.

– А глаза у них правда могут лопнуть от света?

– Ну-у... не знаю. – нехотя призналась явно утомившаяся разговором Вущта, – Правда ли нет... Старики говорили. Меня ночью поймали, как кричать стала. Шли до утра. Отдыхали часто. Днем спали. Ночью снова шли. Опять часто отдыхали. А как стали подходить к той дыре в скале, утро уже наступало. Они торопились. Кричали на меня, чтобы я быстро, шибко быстро шла. Стали заставляя лезть в дыру, в самую темень. Совсем страшно стало. Еще не было так страшно. Сильно, сильно не хотела туда идти. Под землей только злые духи живут. Я одного толкнула, другого толкнула и бежать. Они кричали, кричали, но уже день настал. Солнце вот-вот выйдет из-за скал. Испугались за мной днем идти. А я весь день бежала, всю ночь бежала. Даже не присела ни разу. Чуть с обрыва не упала. Наконец вышла с тех страшных гор. Увидела тайгу. Обрадовалась. Тут и дождалась охотников. Они спрашивают, где была? Зачем ушла? А я только головой трясусь. Ничего сказать не могу. А как пришли домой, я рассказала, что со мной случилось. Только никто не поверил. Тронулась умом девка, сказали. Так и считают сумасшедшей, – старуха засмеялась, оскалив три оставшихся во рту зуба, – По сей день не верят. Считают, что шибко испугалась, когда заблудилась в горах, потому и привиделось всё. А я помню, как только вчера то было. Что десять дней назад было, не помню, а то всё, всё помню. Только вот твой отец и поверил мне.

– Так он про это тебя расспрашивал?! – оживился Никита.

– Да. И про это, и вообще про *сохти*. Кто они, да откуда.

– А ему зачем это надо было? Он говорил?

– Зачем – не говорил. Только я поняла, что сильно хочет найти их.

– Зачем?

– Откуда я знаю! – начала сердиться старуха, – Вас, ручу, разве разберешь?

– Хорошо, хорошо. Не сердись, матушка. Такие мы ручу, бестолковые и любопытные.

Может расскажешь кто такие эти сохти?

014

– Старики сказывали, что сохти не всегда жили в Зеленых Горах Нарпу-Нёр. Они пришли туда со стороны Солнца, из нашей тайги. Но и здесь были пришлыми. В наших местах появились в стародавние времена с полуночной стороны, из тех мест, где всегда зима стоит. Дальше даже, чем *юраки* со своими оленьими стадами каслают. Там земля, говорят, весь год снегом покрыта. Да и не земля вовсе под снегом, а лед. А подо льдом вода. Странная вода, горькая. Её, сказывают, совсем пить нельзя. А как попьешь, то худо станет. Вода холодная-холодная. Зубы ломит. Потому лед и не тает там никогда. Подо льдом, в воде этой горькой, духи ночи и холода живут. Там совсем, совсем нет лета. Там даже оленей нет. Им совсем есть нечего. И дня там нет. Круглый год ночь стоит. А тут еще стали ветры невиданные подниматься, да льды, на которых сохти жили, ломать. И стало сохти вовсе неумоготу. Голодно среди льдов. Рыба из лунок, которые они долбили во льду, перестала ловиться. А как ветер прекратился, морозы страшные наступили. Лёд все толще и толще. Как тут лунку пробьешь? Чем? Пришлось им, чтобы выжить, к теплу бежать. А там везде уже люди жили. Нигде им места нет. Никто не хотел их видеть возле себя, отовсюду гнали. Юраки гнали, хаби гнали. Ни с кем не могли сохти ужиться из-за своего воровского нрава. Они ведь себя только настоящими людьми почитали. А всех других и вовсе людьми не считали. Сверху вниз на всех смотрели. Считали, что всё вокруг

только им и принадлежит. Только никто с этим не соглашался, и кормить их не хотел. Так и каслали от одного места до другого, пока не пришли в наши уголья. Наши предки были мирным народом, ни с кем никогда не ссорились. Лучше уйдут, но воевать не станут. О сохти они раньше и не слышали. Встретили несчастных беглецов радушно. Но сохти были дикими и остались такими. В своих-то краях они прежде одну рыбу и ели. Одевались в одежду из рыбьих шкур.

– И вот позавидовали пришельцы нашему богатству. Зависть у них проснулась к тому, что местные ели мяса вдоволь. Когда захотят, тогда и лакомятся олениной, сохатиной, зайчатиной, козлятиной, птицей, рыбой разной. Охота в этих местах всегда добычлива, а рыбалка удачна. К тому же ягод и грибов, которых сохти раньше вообще не видели и до которых стали большими охотниками, вдоволь, как пора наступит. Стали обижать сохти принявших их добром хозяев. Крали ночами оленей из загонов. Разоряли лабазы. Выбирали рыбу из сетей. А это завсегда за большой грех у нас почиталось. Но дальше и того больше. Стали нападать ночами на небольшие стойбища и красть молодых девушек, обижать встреченных в тайге охотников. Затем принялись уже среди дня отбирать силой оленей да требовать доли от всякой добычи. Сами уже охотиться не желали. Только рыбалить любили для собственного удовольствия. Одно это занятие почитали за достойнейшее для себя. В конце – концов наши предки не стерпели. Куда им дальше уходить было? Эти места по праву их считались. Собрались мужики со всех окрестных стойбищ и порешили дать отпор незванным гостям. Большой бой был. Так вспоминают старики рассказы своих дедов, которые слышали об этом от своих дедов. И так сильно они обижены были, что гнали затем сохти, пока остатки тех в ужасе не бежали из тайги в самую середину Нарпу-Нёр. Никого не жалели, ни мужиков, ни баб, ни детишек. И только там оставили их. Много, много тогда сохти побили. Отрубали им головы и насаживали на колья, расставляя у стойбищ, чтобы нагнать большего страха на врага. Но и сами многих потеряли, потому что сохти, не смотри на то, что малы ростом, а сильны как медведи. Один, однако, по силе как двое наших будут. Отчаяние же и злость придавало им еще больше сил. Наши старались из луков их расстреливать. Сохти могли исчезнуть на ровном месте или появиться ниоткуда и тогда уж каждый из них двух-трех наших убьет копьем или ножом. А то и голыми руками заломает. Опасаясь мести, не оставляли наши врага в покое, пока всех не прогнали или не поубивали, кто сам уходить не желал. Потому не хотели больше видеть этих неблагодарных полуночных пришельцев даже рядом со своими угольями. И слышать больше о них не желали.

Старушка не спеша достала маленькую трубочку, набила дрожащими пальцами табаком вперемешку с сушеным мхом, пожевала короткий мундштук беззубым ртом, разожгла, с удовольствием затянулась, прищутив глаза. Никита терпеливо ждал. Казалось, табак придал ей силы. Вуцта, хитро глянув на собеседника, продолжила:

– И действительно, больше не видели их. Только спустя много, много времени, когда несколько поколений сменилось, стали распространяться по стойбищам слухи о небольших ростом мужиках да бабах, живущих под землей и выходящих наружу ночами. Старики говорили, что то и есть пропавшие сохти. Только кому доводилось видеть их, сказывали, что они стали еще меньше ростом. Едва нам по плечо. И кожу имеют бледную, серую. А глаза большущие. Не иначе, говорили, подземные духи приняли их к себе. И сами они теперь уже и не люди, но и не духи еще. Нашли сохти под землей многие богатства. Мужики их ходят незаметно – вот стоит перед тобой сохти, но стоит моргнуть, и нет его. Пропал. Словно под землю провалился. А кругом ни кустика, ни ямки, ни бугорка. Могут за спиной у тебя несколько сохти пройти, а ты даже не догадаешься о том. А бабы-сохти хоть и имеют бледную кожу и круглые глаза, но красивы и одеваются нарядно. Вся одежда расшита разноцветными полосками и увешана колокольчиками и украшениями из металла, кости, деревяшек струганых. Как увидит какой охотник из надземного мира женщину-сохти, так сразу теряет разум. Считай, погиб он. Не будет ему житья больше. Иссохнет весь и сгинет. А еще сохти делают ножи, наконечники

для копий и стрел из железа такие, что лучше во всем свете не сыскать. Даже ручку такие ножи делать не могут, потому особое железо под землей находят. К тому же ножи заговорены их шаманами. За такой нож у юраки можно целое стадо оленей выменять, а у хаби зимний запас мяса и шкур на целое стойбище. Говорят, камень как деревяшку стругать можно. Да только умный охотник никогда ни на что не сменяет нож сохти, так как он удачу приносит не только ему, но и всему стойбищу, в каком такой нож появится. Но только в том случае, если нож подарен самими сохти, а не украден. А это бывает ой как редко.

015

Словно замороженный слушал старую «сумасшедшую» молодой охотник. Ему и раньше краем уха доводилось слышать о таинственных сохти, но он никогда не воспринимал эти сказки всерьез.

– А где? Где это было? Где ты их встречала? Дорогу помнишь туда.

Вуцта докурив, выбила трубочку, спрятала её в висящий на поясе кисет, наморщила лоб, поправила ладонью седые волосы под платком и прошамкала:

– Там, к северу, однако. Далеко отсюда. Много дней пути. Там, где летом день не встречается с ночью.

Старуха часто не могла вспомнить того, что было с ней вчера. Но то, что случилось в молодости, помнила прекрасно. Она, прикрыв глаза, стала описывать дорогу в горы, по которой шла много десятков лет назад с охотниками, словно с этого момента минула едва ли неделя. Никита выхватил из вещмешка блокнотик и огрызок карандаша (кончик которого заботливо прикрыт пластиковым колпачком) и аккуратно записывал, время от времени задавая уточняющие вопросы. Далеко за полночь закончилась их беседа, когда в конец обессилившая старуха проворчала: «Хватит, однако. Устала я. Завтра, завтра приходи».

Глава 5

016

Рано утром Никиту разбудил шум. Оказывается ночью старая Вуцта умерла. Все в стойбище переговаривались тихо-тихо. Слабых умом лесовики не призирали, а считали их одержимыми добрыми духами. Над ними могли за спиной посмеиваться, беззлобно пошутить, но обидеть – никогда. Скорее пред ними невольно преклонялись за их близость к другому, таинственному миру. Такой одержимый духами не мог умереть прежде, чем передаст своих духов-покровителей кому то из живых. И теперь Никита заключил из отдельных обрывков фраз и настороженных (а то и испуганных) взглядов в свою сторону, что люди считают, будто старуха передала своих покровителей именно ему. Все видели, как они накануне долго-долго о чем-то беседовали у костра, а затем старуха ушла спать и больше не проснулась. По укоризненным вздохам женщин охотник понял, что считают – кабы не пришел, может Вуцта еще и жива была.

Стало неприятно и горько. Невольно подумалось – может и правда, не расшевели он воспоминания старушки, не померла бы. Переволновалось должно сильно.

Тут к нему подошли его давнишние приятели Шеркага и Касэм-Вай. Присели рядышком на бревнышко и степенно набили трубочки. Молча попыхивали ими минут десять.

– Померла, значит. – вздохнул наконец Шеркага, – Время, однако, пришло. Вот и померла.

Касэм-Вай сочувственно кивнул. Снова помолчали. Туземцы искоса посматривали на друга – не одержим ли он теперь часом переданными ему Вуцтой духами-покровителями? Да нет. Вроде ничего необычного. Никита не вытерпел затянувшегося молчания и изучающих взглядов друзей, от которых у него по спине побежали мурашки, словно действительно в чем-то виноват.

– А Томкага-то где? Здоров ли?

– Так ушел с отцом твоим Томкага. – удивился его неосведомленности Шеркага.

– Как так? Мне никто не сказал ничего.

– Да так. Решил тоже Счастливую Страну искать, – туземец наморщил нос, – Совсем здоров стал. Только спина, говорит, к дождю ноет. А так здоров.

– Наверное люди решили, что отец его сманил? – догадался охотник. – Упрекали, поди?

– Да по-разному говорят. – уклончиво вздохнул Касэм-Вай, – Только Томкага то давно это задумал. Как вернулись мы из Зеленых Гор, куда с тобой ходили, так он покой и потерял. Говорил, надоело мне с вами. Совсем, совсем уйти хочу. Вот и пошел с твоим отцом. Говорил, может обратно и не вернусь вовсе. Как твой отец пришел, так Томкага раздал всё, что имел, и ушел с ним. Твой отец его отговаривал. Шибко отговаривал. Но тот ни в какую. Пойду с тобой и всё.

– Я, наверное, пойду. – посидев еще немного, сказал Никита, – Совсем пойду. Не до меня теперь людям.

– Нельзя! – испуганно воскликнул Касэм-Вай, – Никак нельзя!

– Почему так?

– Потому что, – подхватил Шеркага, – как умрет кто в стойбище, пока не схоронят его, никому из стойбища никак уходить нельзя.

– Да почему?

– Как не понимаешь? – который раз удивился Касэм-Вай наивности друга, – Совсем рядом духи ходят, посланные Кулем, верховным духом страны мертвых. Они ходят круг поселка. Туда ходят, сюда ходят. Ждут.

– Чего ждут то?

– Ждут, как умерший сам выйдет. Душа его с ними в подземный мир пойдет. Сами, однако, дорогу в поселок найти не могут. – усмехнулся он, – А как кто живой выйдет из поселка, пока мертвый здесь еще, они сразу дорогу поймут. Зайдут и заберут еще кого с собой. Нельзя, потому, из стойбища выходить, пока покойник здесь. Пока душа его здесь. Никак нельзя. Беда большая будет.

017

Во всех избах (скорее однокомнатных срубках с простейшими крышами и утоптаным земляным полом), и нескольких стоявших в поселке летних чумах разожгли очаги и не гасили их ни днем ни ночью все то время, пока тело умершей еще здесь. Огонь должен оберегать живых от пришельцев из мира мертвых, пришедших за своей добычей. Нужно было выждать целый день, чтобы убедиться, что душа не вернется обратно в тело. Что она окончательно покинула его. И только тогда можно хоронить бранные останки. С Вущтой рядом постоянно находилось несколько человек. Согласно местным поверьям, покойника, пока он находится в доме, нельзя оставлять одного ни на минуту, иначе душа его поселится среди живых, а не уйдет, куда ей положено. Она будет беспокоить живых, надоедать им. Да и духи за околлицей поселка никуда не уйдут.

Наконец, по прошествии ночи, на второе утро пожилые женщины расстелили перед избой Вущты большое плетеное из лыка полотнище, положили по центру наряженную во все новое и самое красивое старушку. Предварительно тело покойной было вымыто женщинами и густо натерто резко пахнувшей пастой из какого-то жира, смешанного с травами. Затем, встав на колени по сторонам, долго пели грустные заунывные песни, рассказывая о том, какой доброй и умелой была усопшая. Как она помогала всем в стойбище. Как её будет не хватать. Но, при этом, просили ее душу не задерживаться больше здесь, а уходить. И просили посланных за ней духов позаботиться о ней, сопроводить до самого Нижнего Мира, до ворот в ограждающей его высокой ограде. И походатайствовать перед Кулем, хозяином Нижнего Мира, о том, чтобы встретил её добром, не серчал на неё, а устроил там получше.

Даже Рыжий, поначалу растерявшийся от непонятого для него действия, попытался сочувственно подвывать в такт плакальщицам, но строгий окрик Никиты заставил его замолчать. Временами, забывшись, пёс вскакивал, хрипло дыша, взвизгивал, затем падал на брюхо, с укоризной взглянув на хозяина и, для верности, чтобы вновь не сорваться, прикрывал морду лапой.

Рядом с телом положили порванный мешочек «тучу» с женскими инструментами для шитья и ремонта одежды, несколько латок из ткани и меха. С другого бока глиняный горшок и миску (предварительно разбив все это в куски), а так же погнутый нож. Как пояснили Никите, в потустороннем мире все происходит наоборот, не так как здесь – что здесь мертвое, там будет живым, что здесь сломано, там обернется целым. Там даже время идет в иную сторону. Души не стареют, а молодеют. Придет время и душа умершего взрослого станет душой младенца.

Мужчины, между тем, изготовили новый облас, длинной чуть больше роста спокойно лежащей Вущты. Эта лодка должна стать последним её пристанищем. На легком обласе умершая отправится в долгий путь по подземной реке. Эта река течет прямо под той, что течет поверху. Всё это время в стойбище никто не мылся, не чистил зубов. Лишь глаза протрут рукавом, рот сполоснут водой, да руки тряпичей вытрут. Нельзя ни в доме убираться, ни мусор со стойбища выносить, ни кушать на горящем огне готовить. Строго настрого запрещено в эти

дни пользоваться чем нибуть острым (упаси боже женщине взять в руки нож). Всё это тяжким грузом ляжет на плечи умершей и сильно навредит ей на том свете.

Мужчины повязали вокруг одной своей ноги клочок красных ниток (кто на правой ноге, кто на левой). Остатками алого платка, из которого надергали этих ниток, накрыли лицо несчастной Вущты. Больше ее лица на этом свете никто не увидит. Нити же нельзя снимать, пока они сами собой не спадут от ветхости у одного из мужчин. Это означает, что умершая достигла цели своего долгого путешествия. Если нитка распалась первой у того, кто повязал ее на правую, «сильную» ногу, значит душу в Нижнем Мире приняли с почетом и ей там будет хорошо. Если на левой, «слабой» ноге – за ней признали много грехов и она не сможет оттуда помогать своим живым соплеменникам, рассказывая духам о их достоинствах и оправдывая их недостатки. Мужчины, повязавшие нитку на правую ногу, желая помочь ушедшему, (а заодно и себе), хитрили, тайком смачивая нить слюной, чтобы она побыстрее перегнила. Если этого не заметят люди, то и духи не обратят внимания. Вообще, по глубокому убеждению лесовиков, духи, несмотря на свое могущество, существа недалекие и обмануть их человеку ничего не стоит.

Двое мужчин в сторонке для каких то целей стругали доски, напиливая их затем по определенному размеру – часть короче, часть значительно длиннее. У коротких ближе к обоим торцам сделаны до половины их ширины пропилены размером в толщину досок.

018

Под негромкие завывание и стенания ритмично покачивающихся из стороны в сторону женщин несколько мужчин укутали тело покойной рогожей, на которой оно лежало, плотно спеленав и обвязав напоследок крученными из лыка веревками. Затем этот сверток разместили в подготовленном облае. Лодку взяли на руки шестеро мужчин и понесли вон из поселка. Все до единого двинулись за ними – впереди процессии охотники с лодкой. За ними шестеро женщин, продолжавших монотонно распевать свою длинную горестную песнь. В ней перечислялись все достоинства уходящей с духами и просьба к ним, передать там, в подземном мире, просьбу Кулю, чтобы получше отнесся к своей новой подданной и не держал зла на остающихся пока здесь живых. И не торопился звать их души к себе.

Касэм-Вай, при выходе, велел Никите не брать с собой ничего – ни ружья, ни ножа, ни каких других вещей. Как он пояснил, в соответствии с их обычаем, всё что принесено на кладбище, должно быть здесь и оставлено. Ничего забирать оттуда нельзя категорически, иначе оскорбишь души умерших и заберешь с собой смерть.

Как только процессия минула пределы поселка, духи тотчас заметили её и увязались вслед за людьми, на что последние и рассчитывали. Об этом сказал пробежавшийся вдруг по окрестным кустам и сразу улегшийся легкий ветерок. На стойбище не должно остаться ни одного человека – ни младенца, ни немощного старика, чтобы кто-либо из духов не вздумал остаться и войти в поселок, поселившись там и гадить затем живым, изводя их одного за другим. Но люди хитрее духов.

Двигались ни долго, ни коротко – минут тридцать-сорок. Наконец подошли к месту, в котором Никите никогда не доводилось бывать прежде. Сама природа здесь залита грустью и безнадежностью. Ни птичьего пересвиста, ни шума ветра. Полная, абсолютная тишина.

Среди редких чахлах сосенок стояло, как показалось молодому охотнику, больше трех десятков маленьких, едва выше его колена, продолговатых домиков, сантиметров семьдесят шириной и немногим больше метров двух длиной. Поверху все они крыты низкими двускатными крышами. Судя по тому, что одни из них еще довольно крепки, а иные от ветхости совсем разваливались, сооружались все в разное время. Какие-то многие годы (если не десятки лет) назад, какие-то не так давно. Два «домика» построены не ранее пары лет назад. Над неко-

торыми, что посохраннее, вертикально торчат покосившиеся палки – остатки полусгнивших вёсел.

Это кладбище *элмхаласэт* – Настоящих Людей. Лесовиков.

019

Придя на кладбище, полагалась громко сообщить: «Мы пришли», чтобы не беспокоить местное население. А уходя, обязательно сказать: «Мы уходим». В торцах многих домиков заметны маленькие квадратные отверстия – окошки, через которые души смогут навещать свои тела и через которые пришедшие родственники смогут общаться с умершими.

020

Облас с размещенным в нём плотно замотанным в рогожу телом Вуцты поставили у самого края. Женщины, продолжая распевать, отошли в сторонку, а мужчины принялись из принесенного с собой набора досок собирать над лодкой новый домик. Последней возвели из более длинных досок двускатную невысокую крышу. Только теперь Никита сообразил, что это за хатки. В завершение в головах изготовленного захоронения воткнули новое весло, с помощью которого Вуцта должна будет править свой облас по реке, ведущей в страну мертвых. Без этого весла душа никогда не сможет добраться до места.

Детишкам-непоседам всё это быстро надоело и они, под укорищенные взгляды взрослых (ругаться здесь нельзя) бегали среди могилок. Несколько стариков так же не проявляли должного почтения, а деловито обменивались мнениями, где бы они хотели, как наступит пора, лежать. Предпочтение явно отдавалось светлым, прогреваемым Солнышком местам.

Сокум полила готовое сооружение чем-то из бутылки, небрежно отбросив её затем в сторону. По расплзшемуся резкому запаху сразу понятно – в сосуде обыкновенная водка. Никита отметил – всё пространство между «домиками» покрыто принесенными когда-то и оставленными на кладбище вещами: самых различных форм, разноцветного стекла бутылками, полустлевыми и совсем свежими берестяными и кожаными сумками и туесами, и прочим бытовым мусором. Множество рыбьих костей. Он вспомнил слова Касэм-Вая, что лесовики никогда не уносят с кладбища того, что принесли сюда – неважно, были ли то похороны или простое посещение ушедших в мир иной родичей. У лесовиков не принято и ухаживать за могилками. Они уверены – земля дала всё вокруг, земля и должна забрать всё это обратно. Всё идет своим чередом.

«Питэс, питэс Куль» – воскликнула наконец Сокум Аина, то есть «ушла, ушла к Кулю» в мир иной. На этом траурная церемония закончилась. Все еще раз глубоко, до земли поклонились свежему сруб-могилке, прошептав каждый что-то от себя и направились обратно в поселок.

При выходе с кладбища поперек дороги лежит струганная, но давно потемневшая метровая палка. Раньше все её спокойно переступили, и Никита не обратил тогда на неё никакого внимания. Мало ли кто её тут кинул. Теперь же процессия остановилась перед ней, словно перед стеной. Сокум подняла палку, пропустила всех и положила её позади себя, как бы перекрыв выход с погоста, говоря при этом назад: «Лежите, лежите здесь. Не ходите за нами. Мы сами придем к вам в гости, как надо будет».

Настроение у лесовиков изменилось. Казалось, они уже и не думают об ушедшей от них Вуцте. Все разговоры касались самых обыденных вещей. «С глаз долой, из сердца вон», – печально думал Никита, но тут же устыдился своих мыслей. Не его это дело, осуждать этих людей. Их жизнь слишком тяжела, чтобы долго предаваться печали. Да и Вуцте действительно давно пришла пора переселяться в другой мир. Поговаривали, что ей давно за девяносто.

К тому же от нее не осталось ни детей, ни внуков, ни правнуков. Вроде как даже сестер и братьев (а значит и племянников с племянницами). Что её тут удерживало? Она заслужила отдых. Да и не верят лесовики, что люди уходят навсегда.

021

Молча идти скучно. Никита не вытерпел и стал расспрашивать идущего рядом Касэм-Вая, по молодости своей довольно общительного субъекта, отчего это лесовики выбрали такой странный метод похорон. Почему не зарывают покойников в землю. Касэм-Вай испуганно глянул на него, словно приятель ляпнул глупость. Шедший позади Шеркага, слышавший вопрос, догнал их и стал растолковывать, добавив, между прочим:

– Заметил, что все крытые срубамы обласа стоят носами в одну сторону?

– Да. – ответил Никита.

– Мы всегда хороним своих покойников головой в сторону полудня. Это для того, что когда придет время умершим вернуться в этот мир, придут их тени с того света и станут разыскивать свои тела. Только те смогут найти их, чьи кости лежат правильно. Наступит пора – вернуться их помолодевшие души новыми младенцами в свой род. Если же хоронить головой в другую сторону, не найдут тени своих тел и не возродятся новым поколением. А значит наш народ со временем весь вымрет. Потому и в землю не зарываем умерших, как делают неразумные *ручу*. Ручу закапывают своих глубоко-глубоко. Как им выйти потом? Ручу много на земле, совсем как капель в летнем дожде или снежинок в большом снегопаде. Для них не так страшно, если их умершие не возродятся. Нас мало совсем. И если не найдет какая тень своего тела, не возродится ее душа к новой жизни. Не появится нового младенца на наших стойбищах. Будет его душа шататься по тайге, по болотам, по марям, все равно медведь-шатун. Всё искать будет свои кости. Злиться. Кто знает, однако, что на уме у такой бесприютной души?

– То есть все умершие когда-то возродятся? – удивился охотник. Он и не подозревал о том, что у лесовиков имеются такие стройные религиозные воззрения. Правда он не понял, зачем молодой душе её старые кости, если она возродится в новом младенце.

– Да, да, – подтвердил Шеркага, – На том свете всё иначе, всё идет в другую сторону. И попавшие туда души не стареют, а молодеют, пока не станут душами-младенцами. Дальше начнется их новая жизнь. Как придет время такой душе возродиться, возродится она. Вернется с того света. Вернется новым младенцем в свой род. Начнется новая жизнь этой души. Мы все несем души многих наших предков. А наши потомки после нашей смерти наследуют наши души, потому что душа дается человеку на время. Попользовался ею, передай другому. Но для того она должна найти наперво свое старое тело. А иной какой род захиреет, перестанут в нем детишки рождаться – значит неправильно они своих хоронили. Не останется в этом роду никакой жизненной силы. Все перемрут.

– Как идешь мимо кладбища, обязательно зайди в гости к предкам, – поучал Касэм-Вай, – Положи кусочек мяса или рыбки вареной, краюху хлеба. Особенно духи любят горячий чай. Вскипяти за кладбищем, налей в кружку да занеси. Табачку покроши обязательно. Коли вообще ничего не окажется, сорви несколько веточек да принеси в подарок. Попроси прощения. Главное, чтобы предки видели, не забыл ты их. Но помни, ничего нельзя с кладбища выносить с собой. Что занес, всё там оставь. Смерть свою вынесешь.

Глава 6

022

Придя в стойбище, погасили все очаги, горевшие непрерывно несколько последних дней кряду. Выгребли угли, тщательно вымели золу и выбросили всё это подальше от поселка в реку ниже по течению. После этого один из стариков с помощью двух деревянных сухих плашек добыл раскаленный уголек. Раздул его, подкормив полоской бересты. И от этого еле теплившегося огонька заново растопили все очаги посёлка. Наконец-то женщины смогли приготовить свежей пищи, а туземцы от души наесться. Об ушедшей соплеменнице никто больше и не вспоминал, словно и не было её вовсе.

Молодой охотник весь день думал о матери, которую так и не успел увидеть и попрощаться с ней. Так хочется верить, что и её душа не канула в Лету бесследно, а придет время, и она возродится в новой жизни.

023

Больше Никите нечего делать в поселке лесовиков. Все что можно узнать, узнал. Всё что возможно выпросить, выпросил. И то, что отец действительно заходил. И то, что он так же расспрашивал о *сохти*. И то, что мир сохти, очевидно, и есть та самая загадочная Счастливая Страна, о которой грезил отец. Молодой охотник отправился к Сокум и сообщил о своем решении искать обиталище подземных людей. Аина качала головой. Было видно, что она на самом деле думает об этом предприятии. Но и понимала, что отговаривать Никиту бесполезно. Он не дитя, взрослый человек – сам отвечает за себя.

– Иди, коль решил. Может действительно Накта-Уму помощь какая нужна. Найдешь, скажи, он всегда желанный гость у нас. Захочет остаться, примем как своего. Только дам тебе в дорогу проводника. А то, пожалуй, двух. Покажут путь.

Никита принялся было отнекиваться, но Сакум отмахнулась, заявив, что и обсуждать здесь нечего, вслед за тем кликнула двух охотников – приятеля Никиты, Касэм-Вая и уже почти пожилого, но еще крепкого и улыбчивого Йогера.

– Часто, однако, Нарпу-Нёр ходил. Горы знает как своё стойбище, – сообщила Аина.

Широкое морщинистое лицо Йогера, обрамленное коротенькой седой бородкой и реденькими усиками рассыпалось в польщенной улыбке. И так узкие глаза его совсем скрылись в прищуре.

Никита давно заметил, что Сакум вообще скупа на похвалы соплеменникам и если уж кого похвалит, то, значит, действительно достоин того.

024

Туземцы знали о цели путешествия и, очевидно, так же не одобряли её. Да и заметно, что побаиваются. Однако им даже в голову не пришло отказаться. По пути, смирившись с ниспосланным судьбой испытанием, на первом же ночном привале, не утерпев, стали рассказывать о том, что сами слышали о полусказочных сохти.

– Вот моя бабка сказывала, – начал словоохотливый, жизнерадостный Йогер, проведя рукой по редкой и коротенькой, как у большинства лесовиков бороденке, – что её бабка была из народа *юраки*. Совсем девчонкой ещё её отдали замуж за одного охотника в наше стойбище. А жили мы раньше совсем в другом месте, у совсем другой реки. Такой большой, что, говорят,

и берега другого не различить. Дна не достать. Как ветер задует, волны больше вот твоего роста поднимались. Но и рыбина зато там, говорят, ловилась... – Йогер закатил глаза, – Так вот, эта баба-юраки сказывала, что в её родном стойбище некогда, еще ее самой-то и на свете не было, жил парень. Охотник не охотник, рыбак не рыбак, а так, пастух. Пас чужих оленей, да с пяток своих заодно. Жил он со своей матерью. Так как оленей у него мало, то и жениться никак не мог. Кто из богатых *юраки* отдаст дочь за бедного пастуха, а старые вдовы ему и самому не милы. Как-то пасет он свое стадо на берегу круглого озера, что под самым большим холмом раскинулось. Зашел за скалу одну. Видит – сидит невероятной красоты девка. Молодая совсем. Сидит и белыми меховыми полосками малицу расшивает. Металлические побрякушки пришивает. А отверстия под нити протыкает самым кончиком острого *хара*, ножа то есть. Сталь, словно нутрянной лед из реки, голубым цветом отликает. Облака на небе в клинке, как в зеркале отражаются. Залюбовался тем ножом. Не знает даже, что ему больше по нраву – девка ли или ее *хар* с витой золотой проволокой ручкой. Но чем дальше он смотрел на нож, тем сильнее ему хотелось получить его. Совсем кроме ножа ничего больше не видит. В голове от желания помутилось. А красавица на него внимания не обращает, словно и нет его тут. Вот она, проткнув несколько дырок, положила хар подле себя и продевает жилу, пропихивая его тонкой костяной палочкой. Парень сам не свой. Не понимает, что делает – стал подкрадываться к ножу. И не заметил, как девка эта чудная исчезла. Куда делась? Непонятно. Вот только была... и вот её нет. А с ней и нож исчез.

Касэм-Вай поддакивает словам Йогера. Он с детства знает эту историю. А Йогер продолжал:

– Не может придти в себя пастух. Только о ноже с золотой рукоятью и думает. Через несколько дней парень и сам не понял, как очутился со своими оленями у того же озера, словно дух его какой завлекал. И вновь всё в точности, как тогда, повторилось. И на третий раз, и на четвертый. Совсем таять стал парень, даже мать заметила. А он все гоняет оленей в одно место да гоняет. Они уж поели там всё. Камни лижут. Мычат с голодухи. Вот как-то пришел он в то самое место, а девки нет. Стал ждать. Солнце выше и выше поднимается. Ждал, ждал, сморило совсем. Да и уснул. Вдруг кто-то толкает его в бок. Поднял голову, перед ним стоит олень, не олень, а большущий зверь с двумя рогами на морде и длинным предлинным носом. Нос гибкий, извивается как змея. Им он и толкал пастуха.

– Мамонт, что ли? – удивился Никита.

– Не знаю, однако. У нас их зовут Земляной Олень, *Хорра* по-нашему. И вот этот *хорра* ухватил своим длинным носом руку парня и тянет идти за ним. Как во сне поднялся парень и идет за Земляным Оленем. Подходят к тому самому холму. Хорра указывает носом на вход в большую нору. Откуда только взялся? Не было раньше. Заходит пастух в нору, а там светло совсем. Горит в центре костерок и у него сидят древний старик с такой же старухой. И та самая девка. Внучка их, однако. Старик приглашает парня войти и сесть рядом, а сам велит девке накормить гостя. Принесла девка большой кусок оленины и стала резать тем самым ножом да накалывать на палочки и обжаривать у огня. Пастух снова не может глаз от ножа отвести. Поели все мяса. Очень вкусное мясо. Не каждая хозяйка такое сготовит. Старик ест, да нахваливает. Бабка ест, да хвалит внучку. Парень поддакивает, а всё равно больше на нож смотрит, чем на хозяйку. Наконец все поели и старик говорит: «Хотели свою внучку за тебя выдать, да вижу, тебе больше холодная железка по сердцу, чем живая баба. Нет, пожалуй, никак не отдадим тебе внучку. Уходи».

– Так, так было, – подтверждает Касэм-Вай.

– Не помнил пастух, как вышел, как уснул на берегу у самой пещеры. Только когда проснулся, не пещеры, ни красавицы больше не было. Однако рядом с ним лежал тот самый нож. Так и остался у него этот нож. И с тех пор всё у парня стало хорошо. Он женился на дочери самого богатого в стойбище *юраки*. Сам стал хозяином большого стада. Ел мяса вдоволь, когда

хотел. Растолстел. На него теперь другие пастухи работали. Но только не мог забыть той девки. И за то, что предпочел холодный нож девке, наказали его духи. Ни одного ребенка у него с женой не родилось. Взял себе другую жену – тоже самое. И с третьей женой, и с четвёртой. Так наказали его злопамятные *сохти*.

– Так то они были? – догадался молодой охотник.

– Да. Потому говорят, что *сохти* очень злопамятны. Никогда обиды не забудут! И знают ся со всеми подземными духами. Как невзлюбят кого, обязательно накажут.

– Но зато они непревзойденные мастера по железу, – вставил Касэм-Вай своё слово, – Их ножи с камня как с куска мерзлого жира стружку снимают. Только счастья те и взаправду никому не приносят.

025

Никиту, пожалуй, даже больше самой легенды о встрече пастуха оленей с семейством сохти заинтересовало то, что его друзья знали о некогда существовавших здесь мамонтах, словно их предки застали этих гигантов еще в полном здравии. И говорили о них вполне обыденно. Но сведения о этих северных родичах индийских слонов явно уже прошли через десятки поколений и тысячи рук, и потеряли свою былую достоверность. Он и сам некогда читал, что местные народы почитают мамонта подземным жителем, роющим себе проход бивнями в земле.

Это объяснялось тем, что охотники *хаби* и оленеводы *юраки*, находя порой вполне сохранившиеся трупы мамонтов в свежих обвалах обрывистых берегов северных рек, в слое вечной мерзлоты, своими глазами видели этих невероятных зверей. Даже мясо часто еще годилось в пищу. Какой вывод могли сделать эти необразованные люди, видя как вполне целое животное наполовину высунулось из земли? Только тот, что оно обитало там, глубоко в земле, и пробиралось по проделанному им же проходу к реке. И вот, обессилев, почему то издохло. И судя по тому, что мясо цело, издохло совсем недавно.

Их рассказами, безбожно перевирая их, смело придумывая новые подробности, питались и их более южные соседи. Не понимая, что такое клыки и хобот, не видя своими глазами этих чудес, «южане» наделяли неведомое им сказочное существо одновременно признаками огромного лося или оленя, гигантского крота, даже огромной усатой царь рыбы – осётра. Постепенно сказки о Земляном Олене – *хорра*, соединились в единое с легендами о таинственных *сохти*. И теперь редко одно обходилось без другого. Несомненно это не так и относится к области народного эпического творчества. Если потомки *сохти* в каком то виде и могли еще сохраниться, то мамонты... Это уже явный перебор.

026

Третью неделю пробираются путники по горным тропам. Оставлены те тропы не людской ногой, а местным зверьём. Забрались много севернее своих привычных мест. Лето почти закончилось. Стоят поистине последние погожие деньки. И холодные осенние дожди уже не за порогом – иной раз с неба начинало накрапывать, поднимался хлесткий пронизывающий ветер. Наконец в одном из ущелий между двух высоких гор остановились. Йогер заявил:

– Вот то самое место, куда ходили раньше наши за Горной Крысой. Здесь по рассказам стариков и потерялась Вущта. А дальше дороги не знаем.

– Ну ладно. Дальше сам буду искать. Вущта говорила о каком-то озере, кстати, – вспомнил он рассказ Йогера, – Может тоже красавицу какую найду.

– А как и взаправду увидишь красавицу, беги прочь! – искренне предостерег Касэм-Вай.

– Только мы то не знаем дальше дороги, – повторил старший лесовик, – Переночуем здесь, а завтра и искать начнем. А то до следующего года отложим? Поздно уже. Следующим летом пораньше вернемся. Как думаешь?

– Да ладно, друзья, – отмахнулся охотник, – Зачем вместе пропадать. Мне и того довольно, что сюда довели. А теперь возвращайтесь домой. Повезет, найду отца. Не повезет, вернусь ни с чем и следующим летом продолжу.

Лесовики в голос стали отказываться и убеждать друга, что без них ему туго придется. Однако он твердо стоял на своем, и им пришлось согласиться. Вместе переночевали, долго рассуждая, куда Никите следует пойти первым делом, а с утра стали собираться в обратный путь.

Туземцам жалко расставаться с другом. Не знают, увидятся ли когда вновь. Но, тем не менее, уходят отсюда с явным облегчением.

Часть 2
ОНИ ВСЕ-ТАКИ СУЩЕСТВУЮТ

Умей поставить в радостной надежде,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.